

П. А. Е Ф Р Е М О В Ъ.

Къ числу достопамятныхъ Русскихъ людей принадлежитъ одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ „Русскаго Архива“, академикъ, извѣстный библиографъ и историкъ Русской литературы Петръ Александровичъ Ефремовъ.

Покойный, уроженецъ г. Москвы, родился 2 Ноября 1830 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Первой Московской гимназій, а закончилъ въ Московскомъ университетѣ, кандидатомъ. Въ Петербургѣ его оцѣнилъ графъ М. Н. Муравьевъ-Виленскій, а позднѣе онъ служилъ начальникомъ всѣхъ сберегательныхъ кассъ въ Имперіи. Трудолюбіе его было несказанное.

Любовь къ книгамъ и литературѣ П. А. унаслѣдовалъ отъ отца, который былъ очень просвѣщеннымъ человекомъ и имѣлъ довольно порядочную библиотечку. Еще будучи ребенкомъ, П. А. часто посѣщала съ отцомъ Сухареву площадь и Смоленскій рынокъ, гдѣ и отыскивали они въ книжномъ хламѣ тѣ книги, которыя представляли интересъ для библиотечки. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени у П. А. собралась очень богатая библиотечка, которая между прочимъ заключала въ себѣ полныя собранія произведеній Русскихъ писателей, почти всю журналистику, альманахи и сборники, какъ прошедшаго, такъ и настоящаго столѣтій, и очень богатый матеріалъ для біографическаго словаря Русскихъ писателей. Благодаря такому положенію, П. А. могъ постепенно знакомиться со всею Русскою литературою и ея представителями, что и принесло ему потомъ немалую пользу при редактированіи собранія сочиненій Русскихъ писателей. Кому знакомы изданныя подъ его редакцію сочиненія кн. А. Д. Кантемира, В. И. Майкова, Д. И. фонъ-Визина, В. И. Лукина, Б. Е. Ельчанинова, А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, А. С. Грибоѣдова, К. Ѳ. Рылѣва, М. Ю. Лермонтова и др., тотъ знаетъ, какъ много было положено труда и энергіи П. А. въ это дѣло. Не менѣе добросовѣстно изданы П. А. и другія изданія, какъ-то: журналы Н. И. Новикова „Живописецъ“ и „Трутенъ“, „Систематич. роспись книгамъ продающимся въ книжн. магазинѣ Ив. Ил. Глазунова“ (съ дополненіемъ), „Указатель къ Православному Обзорнію 1860—1870“, „Матеріалы для исторіи Русской книжной торговли“ и въ особенности важная для біографовъ книга „Матеріалы

топталъ ногами, послѣдствіемъ чего былъ переломъ реберъ на лѣвой сторонѣ. Замѣтивъ, что она еще жива, онъ побѣжалъ на кухню за поварскимъ ножомъ. Тѣмъ временемъ Симонъ успѣла встать на ноги и начала спускаться съ лѣстницы. Тутъ встрѣтилъ ее снова Ефимъ и однимъ взмахомъ ножа зарѣзалъ. Зарѣзанную женщину ограбили, но не совѣмъ, можетъ быть съ умысломъ, чтобы потомъ свалить убійство на барина. Сняли шубу, взяли часы и деньги. Послѣ этого вывезли тѣло за заставу.

Мотивы преступленія—корысть, зависть и злость. Ефимъ Егоровъ былъ, повидимому, человѣкъ довольно испорченный. Возможно, что онъ былъ способенъ на это злодѣяніе. Человѣкъ онъ неглупый, а такіе особенно тяготеютъ подчиненною ролью и мучатся отъ зависти. Больше 50 лѣтъ прошло послѣ этого событія, а мы читали въ газетахъ, какъ крестьяне выкалывали въ 1906 г. глаза лошадямъ помѣщиковъ. Вотъ какіе инстинкты живутъ въ нашемъ „добромъ“ народѣ. Мнѣ кажется, избить и зарѣзать барскую любовницу, которой баринъ очень преданъ, дѣйствіе такого же рода, какъ выкалываніе глазъ у помѣщичьихъ лошадей.

Слухи о томъ, что убійцей былъ Сухово-Кобылинъ недостоверны. Во первыхъ, они противорѣчивы. По одной версіи баринъ пустилъ скандаломъ, по другой ударилъ Француженку головою объ стѣну. Кровавыя пятна, которыя оказались на стѣнѣ комнаты, могли быть нарочно нанесены дворовыми, чтобы навести подозрѣніе на барина. Сочиненная убійцей исторія о сценѣ ревности была пущена въ народѣ, родственники и знакомые Сухово-Кобылина ее подхватили. Развѣ мало бываетъ такихъ родственниковъ и знакомыхъ, которые очень рады всякому компрометирующему слуху про человѣка?

Сухово-Кобылина я совершенно не зналъ. Возможно, что онъ человѣкъ былъ нехорошій и что на душѣ его были какіе-нибудь грѣхи относительно Француженки Симонъ. Отчего, бывъ столько лѣтъ съ нею близко, онъ не женился на ней? Есть тоже въ его показаніяхъ на слѣдствіи нѣкоторыя неудовлетворительныя мѣста (о безпорядкѣ въ шифоньерѣ Симонъ, о поѣздкѣ 8 Ноября на квартиру ея). Не знаю, какъ ихъ объяснить. И тѣмъ не менѣе убіеніе имъ Француженки Сухово-Кобылинымъ кажется мнѣ невѣроятнымъ.

Кстати позвольте мнѣ сказать еще слова два о другой Француженкѣ, о которой тоже идетъ рѣчь во 2-ой книжкѣ „Русскаго Архива“ за нынѣшній годъ. Это актриса Лунза Фюзиль, Записки которой напе-

чатаны тамъ. Не знаю, что думаютъ о ней другіе, а я изъ ея Записокъ вынесъ мнѣніе, что она была шпіонка Наполеона. На это навели меня два пробѣла въ ея, очень обстоятельномъ, разказѣ: 1) когда и зачѣмъ переѣхала она изъ Петербурга въ Москву и 2) какъ она очутилась въ домѣ на Дмитровкѣ, гдѣ квартировалъ Французскій штабъ. Подозрительны также собранія Французовъ у нея на дому, на которыя она не пускала своихъ хорошихъ знакомыхъ Русскихъ. Наполеону, когда онъ рѣшилъ идти на Москву, нужны были точныя свѣдѣнія о ней, и бойкая, умная Француженка, втершаяся во многіе дома, могла быть полезна. Она же могла давать полезныя указанія и во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, наводя ихъ на извѣстныя ей богатые дома, въ которыхъ могли быть запасы всякаго рода, на правительственныя зданія и склады. Можетъ быть, отчасти по этой причинѣ Французскій штабъ такъ берегъ эту женщину при отступленіи изъ Москвы.

Н. Н. Любавинъ.

II. Все о той же Сухово-Кобылинской драмѣ.

Записка А. М. Рембелинскаго.

Г-нъ Голомбѣевскій въ „Русскомъ Архивѣ“, и мы въ „Русской Старинѣ“, каждый съ своей стороны (онъ по тщательномъ изученіи подлиннаго судебного, мы по документамъ того же дѣла, и по личнымъ наблюденіямъ и бесѣдамъ при долговременномъ въ теченіи тридцати лѣтъ знакомствѣ съ покойнымъ Сухово-Кобылинымъ) старались пролить лучъ свѣта въ это не столь темное по самому его существу уголовное дѣло, сколько какъ-бы намѣренно затемненное послѣдовавшею судебною волокитою того времени съ ея всяческими слѣдственными и судебными упущеніями (до знаменитаго рукоприкладства включительно). Эти упущенія и волокиты дышать прямо архаизмомъ и были бы невозможны въ настоящее время при современныхъ слѣдственныхъ и судебныхъ уставахъ.

И тѣмъ не менѣе, ни г. Голомбѣевскій, ни мы, не смотря на тщательныя изысканія, не рѣшились произнести положительный приговоръ, не могли сказать опредѣленно „вотъ онъ, или они убійцы, и вотъ невинные“. Г-нъ Россіевъ оказывается рѣшительнѣе: онъ такъ-таки прямо заявляетъ (въ 6-й кн. „Русскаго Архива“ 1910 г.), что убійца—Сухово-Кобылинъ“.—Мы, каждый съ своей стороны, опираясь на документальныя данныя, имѣли въ виду:

1. Собственное сознаніе подсудимыхъ и при томъ не одного Ефима Егорова, о которомъ упоминаетъ г-нъ Россіевъ, а всѣ четыре сознанія, сдѣланныя спустя двѣ недѣли послѣ убійства въ разныхъ частяхъ города, гдѣ подсудимые содержались подъ стражей, почти тождественныя, ни въ чемъ существенномъ одно другому не противорѣчащія, и съ такими казалось-бы

излишними подробностями (при предположеніи облыжности сознанія) какъ разсказъ о предварительномъ передъ убійствомъ выносѣ собачки изъ подъ кровати Симонъ-Деманшь, или о нахожденіи поломаннаго съ помятою ручкой утюга, которымъ по словамъ конюха Галактіона онъ наносилъ удары Француженкѣ, при чемъ утюгъ этотъ по его словамъ у него вырвался изъ рукъ. Имѣлись за тѣмъ въ виду несомнѣнно доказанные судебно-медицинскимъ вскрытіемъ ломъ четырехъ реберъ у жертвы, синяки и кровоподтеки на всемъ ея тѣлѣ, и ея глубокоперерѣзанное горло, словомъ все то, прибѣгать къ чему, казалось бы, не было надобности Сухову-Кобылину, еслибъ онъ дѣйствительно въ запальчивости и раздраженіи толкнулъ Француженку, и она, ударившись объ уголь камина, *тутъ же упала мертвою*.

Г-нъ Россіевъ, правда, къ своему утверженію присоединяетъ собственную догадку, что не постарались ли-де для барина крѣпостные люди нанесеніемъ дополнительныхъ, очевидно ненужныхъ, разъ она была мертва, поврежденій? Но это догадка г-на Россіева, какъ и все остальное въ его статьѣ, остается ничѣмъ не обоснованной догадкою.

2. Въ подкрѣпленіе нашихъ предположеній объ истинныхъ убійцахъ, и Голомбѣвскій и мы, приводили то обстоятельство, что послѣ убіенія Деманшь была обнаружена пропажа у нея кошелька съ 50 рублями денегъ и часовъ, которые и были найдены впослѣдствіи на чердакѣ въ квартирѣ Сухово-Кобылина завернутыми въ письмо одного изъ лицъ его прислуги, хотя и не привлеченнаго къ дѣлу, его камердинера.

3. И г-нъ Голомбѣвскій и мы упоминали, что привлеченные къ дѣлу четверо обвиняемыхъ и дважды осужденные отказались отъ своего признанія лишь спустя почти два года послѣ начатія дѣла, при чемъ Ефимъ Егоровъ заявилъ, что онъ учинилъ сознаніе, не стерпѣвъ жестокости побоевъ, наносимыхъ ему въ полицейской части, гдѣ онъ содержался приставомъ Стерлиговымъ при допросахъ, ничѣмъ однако этихъ побоевъ не подтвердивъ; а конюхъ Галактіонъ ссылаясь на какое-то письмо, читанное ему въ части, гдѣ онъ содержался, письмо будто-бы убѣждавшее его принять вину на себя и обѣщавшее ему за то соответствующее вознагражденіе. Мы въ своей статьѣ въ „Русской Старинѣ“ указывали, что осталось въ дѣлѣ совершенно не выясненнымъ, отъ кого было это письмо, къ кому, и куда оно дѣлось, если доподлинно существовало. Въ судебномъ дѣлѣ отъ этого письма нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ.

4. И г-нъ Голомбѣвскій и мы останавливали вниманіе читателя на томъ, что осужденные въ своемъ знаменитомъ „рукоприкладствѣ“ высказывались совершенно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, изъ чего можно заключить, что рукоприкладство это было составлено для нихъ однимъ и тѣмъ-же опытнымъ въ этихъ дѣлахъ судебнымъ ходатаемъ-крючкомъ изъ подъ Иверской, которыми изобиловала тогда Москва. Указывали при этомъ, что обвиненные ни малѣйшимъ образомъ не оговаривали предполагаемаго виновника Сухово-Кобылина, а лишь умоляли высокихъ судей быть помилостивѣе въ присужденіи

имъ наказанія, и упоминали лишь о томъ, что „тайна ея извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ Котораго не скрыто, кто былъ жертва случая и кто истинный виновникъ трагической смерти Московской купчихи Луизы Ивановны Симонъ-Деманшъ“. Казалось-бы, что вмѣсто этихъ высренныхъ заявленій, столь характерныхъ для судебного ходака, ихъ сочинявшаго, было-бы вполнѣ естественнымъ, что осужденные (и при томъ дважды) разъ они рѣшились отказаться отъ сдѣланнаго ими признанія, должны были съ тѣмъ вмѣстѣ рассказать всю правду, назвать истиннаго виновника убійства и возстановить всю картину, всѣ подробности дѣла, и это тѣмъ болѣе, что они не могли не знать, что ихъ баринъ уже въ рукахъ правосудія, что онъ такъ же, какъ и они, привлечался къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, и былъ даже заключенъ подъ стражу, и что слѣдовательно имъ, какъ крѣпостнымъ его, опасаться нѣтъ основанія. Но ничего подобнаго въ дѣлѣ нѣтъ; они, подавъ свое рукоприкладство, ничѣмъ не опровергли прежнихъ своихъ показаній, и лишь заявили, какъ сказано выше, что тайна извѣстна одному Всевышнему Творцу, а они лишь просятъ снисхожденія.

5. И г-нъ Голомбiевскій и мы, на основаніи данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ, старались доказать, что жестокое обращеніе и побои Луизой Деманшъ и самимъ Сухово-Кобылинымъ своихъ крѣпостныхъ вообще, и предполагаемыхъ виновниковъ въ частности, вполнѣ доказаны, и что обстоятельство это само по себѣ могло служить достаточнымъ поводомъ къ задуманному убійству, чему въ крѣпостное время было немало примѣровъ.

6. Нами обращалось вниманіе на то, какія же имѣются въ подлинномъ судебномъ дѣлѣ (прошедшемъ дважды всѣ судебныя инстанціи и выдержавшемъ нѣсколько слѣдственныхъ комиссій) улики противъ предполагаемаго убійцы?

Имѣется пресловутое кровавое пятно на стѣнѣ, величиною въ пятакъ серебра, въ старомъ запущенномъ флигелѣ; найдены какіе-то кровавые подтеки въ сѣняхъ, ведущихъ въ кухню, происхожденіе которыхъ съ большимъ правдоподобіемъ Сухово-Кобылинъ объяснялъ тѣмъ, что тутъ постоянно повара прирѣзывали живность; имѣется затѣмъ пресловутое письмо Сухово-Кобылина къ Деманшъ, въ которомъ онъ въ шуточномъ и игривомъ тонѣ угрожаетъ ей своимъ Кастильскимъ кинжаломъ; имѣются намеки на то, что Сухово-Кобылинъ за послѣднее время охладѣлъ къ Француженкѣ, вступивъ въ новую связь, и что Француженка была очень ревнива и..... больше ничего не имѣется.

Выставивъ всѣ эти данныя изъ подлиннаго дѣла, и г-нъ Голомбiевскій и мы, каждый въ своихъ статьяхъ, тѣмъ не менѣе не рѣшились произнести своего рѣшительнаго приговора, предоставляя читателю самому разбираться въ дебряхъ этого дореформеннаго судебного дѣла 50-хъ годовъ, и лишь я съ своей стороны, на основаніи этихъ данныхъ, считалъ дѣломъ совѣсти выгораживать предполагаемаго стоустою молвою виновника, подвергая критикѣ выставленныя противъ него улики и доказывая ихъ несостоятельность противъ такого тяжкаго обвиненія, какъ убійство, что повторяю и сейчасъ.

Но г-нъ Россіевъ оказывается гораздо рѣшительнѣе; онъ самъ, упоминая въ началѣ своей статьи („А. В. Сухово-Кобылинъ и Французенка Симонъ“, № 6-й книгѣ Русскаго Архива 1910 г.) о *разказахъ и сплетняхъ*, порожденныхъ этимъ дѣломъ, безъ всякихъ данныхъ, безъ всякихъ аргументовъ, и основываясь лишь на разказахъ какой-то старой неизвѣстной родственницы покойнаго Сухово-Кобылина, прямо и категорически разрубаеть Гордіевъ узель и говоритъ: убійца Сухово-Кобылинъ! Но почему-же? Какія данныя? Чтò открылось? можетъ спросить его изумленный читатель. „Намъ говорила это одна родственница Сухово-Кобылина, я отъ нея это слышалъ, да и остальные его родственники это знаютъ, но молчатъ“, отвѣчаетъ г-нъ Россіевъ. — Какъ? И все? спросимъ мы въ свою очередь, и вы считаете это достаточнымъ для того, чтобы назвать убійцей человѣка, уже умершаго, и слѣдовательно не могущаго, ни оправдываться, ни возражать? Затѣмъ, позволимъ себѣ спросить еще г-на Россіева, кто эти родственники покойнаго Сухово-Кобылина, о которыхъ онъ упоминаетъ? Въ качествѣ его ближайшихъ родственниковъ, помимо дочери, намъ извѣстны его родные племянники и племянницы, дѣти и внуки его сестеръ Петрово-Солововы и графини Салиасъ. Что же, и они говорили г-ну Россіеву то, чтò онъ слышалъ отъ неизвѣстной намъ родственницы Сухово-Кобылина? Мы съ увѣренностію въ этомъ сомнѣваемся.

Г-нъ Россіевъ въ своей статьѣ впадаетъ въ странныя противорѣчія самъ съ собою. Такъ, въ началѣ статьи онъ заявляетъ, что, не смотря на изысканія г-на Голомбѣвскаго, роль Сухово-Кобылина въ его житейской драмѣ остается неопредѣленною, затѣмъ вдругъ съ большою стремительностію, лишь выслушавъ разказъ старой неизвѣстной родственницы, приходитъ къ несомнѣнному выводу, что убійца Сухово-Кобылинъ, и никто другой! Развивая далѣе свои соображенія и рисуя картину убійства такъ, какъ вѣроятно передавала се ему эта родственница, онъ заявляетъ, что убійство совершено въ квартирѣ Сухово-Кобылина вечеромъ передъ отправленіемъ его на балъ къ Нарышкинымъ, такъ что изъ этого слѣдуетъ, что Сухово-Кобылинъ, совершивъ убійство, отправился на балъ, и тамъ, можетъ быть, танцовалъ! Но вѣдь это ужъ изъ Шекспира; это макбетовщина! можетъ воскликнуть возмущенный читатель. И онъ былъ бы правъ въ своемъ негодованіи, еслибъ г-нъ Россіевъ въ подкрѣпленіе своихъ увѣреній приводилъ какія-либо данныя, которыя хотя сколько-нибудь ихъ подтверждали, кромѣ разказовъ неизвѣстной родственницы.

Продолжая далѣе свою версію, г-нъ Россіевъ называетъ повара Сухово-Кобылина Ефима Егорова, будто-бы тутъ-же послѣ убійства рѣшившагося принять вину на себя, человѣкомъ рабски преданнымъ своему барину. Мы же въ свое время приводили данныя изъ дѣла и подтверждаемъ ихъ сейчасъ, изъ которыхъ явствуетъ, что Сухово-Кобылинъ считалъ этого Ефима Егорова человѣкомъ глубоко испорченнымъ и избалованнымъ, благодаря разнымъ богатымъ домамъ, гдѣ онъ служилъ, о чемъ неоднократно предупреждалъ Французенку и неоднократно подвергалъ его наказаніямъ, такъ что это обстоятельство отнюдь не могло поддерживать взаимныхъ ихъ симпатій другъ къ другу, и Ефимъ

Егоровъ не могъ питать къ своему господину тѣхъ чувствъ безграничной преданности, которыя самовольно приписываетъ ему г-нъ Россіевъ.

Г-нъ Россіевъ, вѣроятно со словъ той же родственницы, отъ которой онъ черпаетъ все предъидущее и желая быть вполне точнымъ, даже опредѣляетъ сумму вознагражденія, которую имѣлъ получить или получилъ Ефимъ Егоровъ за свое самопожертвованіе, а именно *болѣе* 10 тысячъ, не обозначая однако, сколько именно, и не упоминая о томъ, какъ устанавливался счетъ на серебро или на ассигнацію по счету того времени. Не въ правѣ-ли мы однако спросить г-на Россіева, эта подробность не принадлежитъ-ли къ категоріи тѣхъ *сплетенъ* и *разсказовъ*, о коихъ упоминаетъ самъ г-нъ Россіевъ въ началѣ своей статьи?

Высказавъ все существенное, что онъ слышалъ отъ родственницы, онъ далѣе развиваетъ свои собственныя соображенія. Такъ напримѣръ, утвердившись въ убѣжденіи, что убійца Сухово-Кобылинъ и никто другой, и категорически подтверждая это свое убѣжденіе, онъ какъ-бы ставитъ въ вину Сухово-Кобылину, что онъ послѣ пережитой имъ трагедіи былъ дважды женатъ и будто-бы жизнерадостно проживалъ въ такомъ земномъ раю, какъ Болѣе на берегу Средиземнаго моря. Оставляя первый его упрекъ относительно женитьбы Сухово-Кобылина безъ возраженій, мы по поводу второго замѣтимъ, что Сухово-Кобылинъ переселился въ Болѣе за три года до своей смерти, приближаясь къ 85-ти лѣтнему возрасту своей жизни, удрученный годами и неизбѣжными съ ними недугами, и только вслѣдствіе того, что домъ его въ деревнѣ сгорѣлъ до основанія со всей его обширной библіотекой и всѣми его литературными трудами послѣднихъ лѣтъ по переводамъ Гегеля, и ему прожившему тамъ за рѣдкими отсутствіями и кратковременными за послѣднее время поѣздками за границу, сорокъ лѣтъ, и жить собственно было негдѣ. Что касается до его жизнерадостности, о которой повѣствуетъ все также родственница устами г. Россіева, то мы, знавшіе его близко въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ его жизни, подтверждаемъ, что жизнерадостенъ онъ далеко не былъ. Г-нъ Россіевъ въ заключеніе своей статьи упоминаетъ и о произведеніяхъ Сухово-Кобылина. Останавливаясь на „Свадьбѣ Кречинскаго“, онъ къ сожалѣнію ничего не говоритъ о „Дѣлѣ“, и не упоминаетъ о знаменитой сценѣ этой комедіи, гдѣ Муромскій даетъ взятку директору департамента Варравину, сценѣ, прототипомъ которой послужила имъ самимъ лично данная взятка одному оберъ-прокурору Сената, о чемъ подробно разсказано нами въ № 5 „Русской Старины“ настоящаго года въ статьѣ: „Еще о драмѣ въ жизни писателя“. Упомянутая сцена въ „Дѣлѣ“ есть вариантъ этой подлинной взятки. Это мы знаемъ со словъ самого покойнаго писателя. Комментируя затѣмъ довольно своеобразно эпиграфъ книги Сухово-Кобылина: „Картины прошедшаго“, г-нъ Россіевъ почему-то обходитъ молчаніемъ предисловіе автора къ его комедіи „Дѣло“, гдѣ онъ прямо говоритъ, что „это сущее, подлинное, съ кровью вырванное дѣло“.

Впадая затѣмъ прямо въ иронію (казалось бы, мало идущую къ дѣлу, по существу трактуемаго предмета) г-нъ Россіевъ комментируетъ одинъ изъ эпиграфовъ Сухово-Кобылина къ его книгѣ, а именно „какъ аукнется, такъ и отклик-

нется“, и со смѣлостію достойною лучшаго дѣла прямо заявляетъ, что аукнулось въ квартирѣ Сухово-Кобылина 7 Ноября 1850 года, а откликнулось... Тутъ г-нъ Россіевъ неожиданно приводитъ стихъ Хомякова „въ судахъ черна неправдой черной“, который по нашему мнѣнію можетъ служить лишь лишнимъ подтвержденіемъ того, до чего было безобразно все судилище 50-хъ годовъ, по которому Сухово-Кобылинъ привлекался въ качествѣ обвиняемаго, что мы и старались доказать посильно въ вышеупомянутой статьѣ нашей въ „Русской Старинѣ“ нынѣшняго года и что подтверждаемъ и сейчасъ.

Г-нъ Россіевъ, идя далѣе, не останавливается и передъ тѣмъ, чтобы не подвергнуть глумленію и выдержки изъ дневника Сухово-Кобылина, помѣщенные въ той-же Майской книжкѣ „Русской Старины“ и называетъ ихъ сентиментальными. Мы можемъ заявить по этому поводу, что выдержки эти извлечены изъ подлиннаго дневника покойнаго, который онъ велъ урывками, не подозрѣвая, конечно, что имъ суждено, когда-либо увидать свѣтъ, и сообщены редакціи „Русской Старины“ дочерью и ближайшими родственниками покойнаго лишь послѣ появленія въ печати статьи г. Голомбѣвскаго: „Драма въ жизни писателя“ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Резюмируя затѣмъ статью г-на Россіева въ ея совокупности, мы по поводу приведеннаго имъ стиха Хомякова „въ судахъ черна неправдой черной“, невольно припоминаемъ другой стихъ другого поэта: „Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей“.

Намъ остается добавить, что со времени этого трагическаго происшествія прошло 60 лѣтъ. Всѣ его участники и современники сошли въ могилы, виновники его въ свое время предстанутъ предъ Высшимъ Судіей. Самое дѣло поросло травой забвенія и лишь случайно и мимолетно опять выплыло на свѣтъ Божій, но не поростаеетъ этой травой человѣческая совѣсть. Во имя этой совѣсти было-бы желательно, еслибъ кто-либо изъ современниковъ располагалъ какими-либо данными (разумѣется, болѣе вѣскими чѣмъ родственница, цитируемая г. Россіевымъ) для пролитія свѣта на это темное дѣло, и подѣлился этими данными съ читателями для успокоенія этой совѣсти. Что касается до насъ, то мы извиняемся передъ читателями, что еще разъ (и, надѣмся, въ послѣдній) быть можетъ, злоупотребили ихъ терпѣніемъ; только во имя этой совѣсти мы рѣшились это сдѣлать.

III. Дополненіе.

Самъ ли Сухово-Кобылинъ убилъ Француженку свою или допустилъ крѣпостныхъ своихъ людей къ этому убійству, не имѣетъ большого значенія. Важны для исторіи черты быта и обстановка совершеннаго преступленія. Москвою тогда правилъ графъ Закревскій, нѣкогда министръ внутреннихъ дѣлъ, жившій до того 17 лѣтъ въ отставкѣ, по самостоятельности своего характера. Въ концѣ 1848 года послѣдовало

его примиреніе съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, и онъ назначенъ былъ въ Москву, снабженный большими полномочіями и даже имѣвшій (какъ сказывалъ мнѣ графъ Д. Н. Блудовъ) бланки, т. е. листки за подписью Государя, на которыхъ онъ могъ написать какое бы ни заблагоразсудилось ему повелѣніе. Въ слѣдъ за вступленіемъ его въ должность, состоялось въ Москвѣ открытіе большого Кремлевскаго дворца и давались великолѣпныя празднества какъ во дворцѣ, такъ и на Тверской въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Въ виду предстоявшей Венгерской кампаніи и распространившагося по всей Европѣ республиканскаго направленія, число студентовъ нашихъ университетовъ было сокращено до трехъ сотъ человѣкъ въ каждомъ, и подозрительность Третьяго Отдѣленія Государевой канцеляріи усилилась. Этою страшною канцеляріею завѣдывалъ давній пріятель графа Закревскаго, графъ А. О. Орловъ. Оба они въ сущности люди были добрые и вовсе не охотники до строгихъ наказаній, но „въ тѣ дни султанъ былъ духомъ гнѣва обуянъ“. Графъ Закревскій принималъ мѣры къ спокойствію Москвы, заявляя тѣмъ свою правительственную способность; а между тѣмъ почти въ слѣдъ за отъѣздомъ двора изъ Москвы, подъ Москвою, въ Кусковѣ (12 Іюня 1849 г.) отравлена графиня Ш. (о чемъ имѣются два печатныхъ письма Филарета къ архим. Антонію); 7 Апрѣля 1850 года послушникъ Донскаго монастыря Зыковъ закололъ княгиню Вѣру Дмитріевну Голицыну (по воспитанію своему близкую къ семейству графовъ Строгановыхъ); а черезъ 7-мь мѣсяцевъ за тѣмъ погибаетъ Французенка, жившая противъ самыхъ оконъ генераль-губернаторскаго дома. Понятно, что графъ Закревскій не могъ оставаться равнодушнымъ къ этимъ тремъ преступленіямъ. Умные же люди находились тогда въ подозрѣніи, и конечно Сухово-Кобылинъ былъ въ числѣ ихъ: за всеми его дѣйствіями слѣдила тайная полиція. Благодаря графу Закревскому, снисходительное рѣшеніе Надворнаго Суда по дѣлу Сухово-Кобылина было отмѣнено, и дѣло поступило сначала въ Сенатъ, а потомъ въ Государственный Совѣтъ, кончилось же оно въ то время, когда вся Россія занята была мыслию объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Сообщаемъ нѣкоторыя поправки къ тому, что напечатано у насъ о Сухово-Кобылинѣ. Черезъ много лѣтъ послѣ убійства онъ женился на Французенкѣ баронессѣ Де-Буглонъ, мать которой была уроженка изъ окрестностей Бордо. Тамъ она владѣла помѣстьемъ Гайросъ, которое Сухово-Кобылинъ, женившись на ея дочери, купилъ въ собственность, а потомъ продалъ. На Введенскихъ горахъ въ Москвѣ похоронена вторая его супруга Англичанка. На ея могилѣ Англійская надпись и означено, что она умерла 27 Января 1868 г. Дочь его, нынѣ здравствующая отъ перваго брака; имя супруга этой дочери,

похороненнаго въ одномъ склепѣ съ Француженкою Симономъ—графъ Фалетанъ (Falétans), а не Фальтанъ (Faltant).

Приводимъ мѣсто изъ Записокъ сенатора Лебедева (1888 г., кн. 2-я къ стр. 0144)*), уничтоженное въ „Русскомъ Архивѣ“ покойнымъ начальникомъ управленія по дѣламъ печати Θεоктистовымъ, который былъ отчасти прикосновенъ къ этому роковому дѣлу.

Августъ (1853). Дѣло объ убійствѣ Француженки Луизы Симонъ-Деманшъ.

Луиза была вывезена любовникомъ своимъ А. В. С.-К. изъ Парижа въ 1838 г. Убита 8 Ноября 1850 года въ Москвѣ. Есть неясность и невѣроятность въ показаніи сознавшихся убійць; не совсѣмъ достоверно самое слѣдствіе; но прикосновенность лицъ высшаго круга, а также виновность повара Егора и кучера Кузмина, по мнѣнію моему, несомнительны. Переписка, въ небольшомъ количествѣ листовъ, приобщенная къ слѣдствію, чрезвычайно любопытна; особенно любопытны письма самой Деманшъ, впрочемъ довольно безграмотныя; потомъ графини С—съ. Эти письма—курсъ Французскихъ развратныхъ правилъ, подробно и дѣльно изложенныхъ на 6 листахъ, произведеніе знаменитой писательницы. Есть письма, дышащія невинною, страстною любовью; есть вопли упрековъ и отчаянія. Въ письмахъ самого любовника выражается постоянно какое-то самодовольство. Грустно видѣть эту Француженку, залетѣвшую въ Москву, чтобъ кончить ужасной смертью, и этихъ барышень и барынь, попирающихъ права семейныя, и этого даровитаго С.-К., поглощеннаго интригами и, наконецъ, этихъ крѣпостныхъ, отданныхъ господиномъ въ рабство своей Французской любовницѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что убійство совершено расчитанно, изъ видовъ и хладнокровно. Дѣло это поставлено Илличевскимъ въ самое затруднительное положеніе: двѣ недѣли журналъ консультации ожидалъ разсмотрѣнія, двѣ недѣли разсматривается и вѣроятно еще будетъ разсматриваться. Вопросъ идетъ о томъ: назначить ли новое слѣдствіе или рѣшить дѣло по показанію людей. Я не ожидаю ничего отъ новаго слѣдствія“.

*) Помѣщаемыя въ нынѣшнемъ году „Русскаго Архива“ тетради Записокъ К. Н. Лебедева доставлены намъ позднѣе тѣхъ, которыя помѣщались у насъ въ 1867—1888 годахъ.—Про убіеніе Француженки Θεоктистовъ, много лѣтъ позднѣе, сообщалъ А. М. Рембелинскому (не ручаясь за достоверность) тоже самое, что утверждаетъ П. А. Росіевъ. П. Б.

для Русской литературы“, въ которую вошелъ составленный Н. И. Новиковымъ „Словарь Русскихъ писателей“ и др. подобныя изданія, бывшія до сего времени забросанными и затерянными въ разныхъ старинныхъ изданіяхъ.

Историко-литературныя и библиографическія статьи П. А., кромѣ „Русскаго Архива“ помѣщались въ „Библиографическихъ Запискахъ“, „Книжномъ Вѣстникѣ“, „Россійской Библиографіи“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Современникѣ“, „Всемирной Иллюстраціи“, „Недѣль“, „Нашемъ Времени“, „Русской Старинѣ“, „Современномъ Обзорѣніи“, „Гласномъ Судѣ“, „Голосѣ“, „Новомъ Времени“, „Спб. Вѣдомостяхъ“. Уже преклонныхъ лѣтъ онъ женился и съ тѣхъ поръ меньше сталъ работать.

Не чуждъ былъ онъ и юмористики; въ „Искрѣ“ его перу принадлежитъ много юморо-сатирическихъ произведеній; помѣщенныхъ имъ или анонимно, или за подписями: *Псевдонимъ, Филь, Юрій Константинычъ, Еленскій, Вячеславъ Шт., П. Олесимъ, Валентинъ Протопоповъ, Иванъ Масловъ, Црокль Каменевъ, Архивариусъ* и др.

И. М.

БОТКИНЫ.

Изъ письма П. И. Щукина къ издателю „Русскаго Архива“.

Въ дополненіе составляемой вами родословной почетныхъ гражданъ Боткиныхъ сообщаю слѣдующее.

Петръ Кононовичъ Боткинъ торговалъ чаемъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Дмитріемъ. Въ третей части моего сборника „Бумаги 1812 года“ помѣщено прошеніе въ Управу Благочинія 2-й гильдіи купцовъ Дмитрія и Петра Кононовыхъ Боткиныхъ, отъ 21 Декабря 1812. Въ прошеніи приводятся убытки, понесенные братьями Боткиными во время непріятельскаго нашествія.

Потомство Петра Кононовича:

У Ивана Петровича сынъ Николай.

Варвара Петровна во 2-мъ бракѣ была за Ястребцовымъ. У нея дѣти: Марья, Варвара (была замужемъ за докторомъ Превѣ), Петръ и еще сынъ, имени котораго не помню.

Александра Петровна была замужемъ за Визгинимъ. У нея дочь Александра (замужемъ за Котельниковымъ).

У Дмитрія Петровича (женатаго на С. С. Мазуриной), дѣти: Елисавета (за инженеромъ К. Г. Дункеромъ), Петръ и Сергѣй (второй секретарь нашего посольства въ Штутгартѣ).

У Петра Петровича (женатаго на К. Н. Шапошниковой) дочери: Анна, Надежда (за художникомъ Остроуховымъ) и Вѣра (за Н. И. Гучковымъ).